

Сергей Зеньков

Задушевный разговор

ПЬЕСЫ

Библиотека классической и современной прозы

Сергей Зеньков

Задушевный разговор

«Продюсерский центр ротации и продвижения»

2021

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-44

Зеньков С. Н.

Задумчивый разговор / С. Н. Зеньков — «Продюсерский центр ротации и продвижения», 2021 — (Библиотека классической и современной прозы)

ISBN 978-5-907379-34-3

В книгу вошли избранные пьесы современного белорусского драматурга, театрального режиссёра, художника Сергея Зенькова. Автор искусно сочетает в своих пьесах стихи и прозу, мягкость, тонкость эмоционального начала и рациональное отношение к миру. В очень разных по содержанию и стилю произведениях драматургии раскрываются ответы на многие вечные и не утрачивающие своей остроты вопросы: любовь к Родине и окружающим людям, эгоизм и бескорыстие, смысл человеческого существования. Погрузившись в лабиринты художественных строк, уважаемый читатель научится глубже всматриваться в жизнь, лучше разбираться в самом себе и в своём месте в этом мире.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-907379-34-3

© Зеньков С. Н., 2021
© Продюсерский центр ротации и
продвижения, 2021

Содержание

Иолай (комедия)	6
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сергей Зеньков

Задушевный разговор

© Сергей Зеньков, 2021

© Общенациональная ассоциация молодых музыкантов, поэтов и прозаиков, 2021

* * *

Примите эти истории... как признание в любви.

Иолай (комедия)

*Пьеса посвящается
Дмитрию Червоткину,
Максиму Павлюкову,
Евгению и Вячеславу Куровичам.*

Действующие лица

Иолай.
Старуха.
Аристомах, 16 лет.
Девушка-рабыня, 15 лет.
Раб-египтянин, за 60 лет.
Тень.

Часть первая

Призвали в суд Геракла за это убийство. Оправдываясь, сказал сын Алкмены:

– Ведь говорит же справедливейший из судей Радамант, что всякий, кого ударят, может ответить ударом на удар.

Н. А. Кун. Легенды и мифы Древней Греции

Гром, блеск молний.

Г о л о с. И настал день, и родила Алкмена в день этот двоих сыновей. Первым родился сын Зевса, и был наречён он именем Алкид. Вторым был сын Амфитриона, и назван он был Ификлом. И были похожи братья как две капли воды.

Огромный, с длинными седыми волосами и бородой, древний старик в тоге спит, сидя в тени заросшего плющом и виноградом маленького дворика, в центре которого – высокий мраморный фонтанчик. Справа и слева (как кулисы) – стены большого дома. На правой стене, высоко от земли, маленькое квадратное окно. Возле старика находится крепкий рослый юноша. Он в короткой тунике и сандалиях. Это Аристомах. Тело его поджаристого-коричневого цвета, зубы белы как снег, короткие волосы черны как уголь. Движения его резки и точны. Слева входит светловолосая девушка-рабыня – дитя далёкого северного народа. Она в просвечивающемся длинном наряде, который не может скрыть белизны её кожи. Девушка несёт глиняный горшок с пёстрыми цветами. Ставит горшок на авансцену, где уже стоят четыре десятка таких же глиняных горшков. Аристомах делает мягкий прыжок и оказывается рядом с девушкой. Он пытается обнять её. Та, хихикая, ловко вывёртывается и убегает в дом. Справа входит раб-египтянин.

Юноша прыжком перемещается на прежнее место, делает вид, что ухаживает за стариком. Снова входит девушка-рабыня, неся очередной горшок. Аристомах поправляет подушечку на затылке старика, ставит ему

под ноги скамеечку. И всё это юноша проделывает, искоса глядя на девушку. Старик просыпается. Девушка-рабыня тут же садится рядом, по правую руку от старика (в другой уголок тенистого двора), берёт кифару, не спеша играет. Юноша садится с другой стороны, берёт свитки, заострённую палочку, ставит рядом флакончик. Он готов писать.

Старик (*Долго смотрит на девушку, потом на юношу. Трёт глаза. Такое чувство, что он никого не узнаёт и не знает, где находится. Вдруг он выпячивает вперёд грудь, отчего становится ещё больше и шире. Поднял руку, указывая на юношу*). Ты, Аристомах, внук Гилла, потомок великого Геракла, сына громовержца Зевса... Ты в третьем поколении плод семени Гераклидов. Тебе предстоит отвоёвывать венец и земли царства твоих предков.

Аристомах (*смотрит на старика, откладывает письменные принадлежности. Тихо себе*). Начинается... (*Плюёт в сторону*.)

Старик (*с пафосом*). Ты слушаешь меня, Аристомах?!

Аристомах (*скороговоркой*). Да, Иолай, сын Ификла и Автомедусы, племянник и соратник Геракла, внук Амфитриона, победитель Олимпийских игр и супруг прекраснейшей Мегары. Я слушаю тебя... о... великий!

Иолай (*повелительно*). Тогда пиши. (*Большая пауза, во время которой старик клюёт носом*.)

Раб-египтянин (*Иолаю*). Хозяин, там пришла нищая женщина. Она так стара, что своим видом может напугать самого Кербера. (*Виновато*.) Я отдал ей свою ячменную похлёбку. Я надеюсь, ты не накажешь меня за это, хозяин.

Иолай (*равнодушно*). Зачем ты мне всё это рассказываешь, раб?

Раб-египтянин (*с поклоном*). Она хочет посмотреть на тебя... о... великий.

Иолай. Пусть смотрит из скотного двора.

Раб-египтянин. Она слаба зрением. Если верить её речам, глаза её смотрят на этот свет больше ста лет. (*Опускается на колени в поклоне*.) Прошу твоего разрешения привести эту женщину сюда, хозяин. Дабы она смогла увидеть всё твоё величие. К тому же она умна и может развлечь тебя беседой.

Иолай. Раб, ты напрашиваешься на десяток ударов плетью. Ну, да ладно. (*Аристомаху театрально*.) В последнее время я мало кого вижу и не бываю вне дома... (*Рабу*.) Зови её... Пусть посмотрит на меня и убирается прочь. И никаких пустых разговоров... Я занят!

Раб кланяется и уходит.

И о л а й (*поправляет край тоги. Ещё больше выпячивает грудь. Подушку из-под головы передаёт Аристомаху*). Посмотрим, так ли она уродлива, как сказал раб. На своём веку я видывал множество чудовищ...

Входит старуха, за ней – раб-египтянин.

Старуха (*входя без поклона*). Да хранят боги хозяина этого дома, его родных, (*рабу*) а также этого щедрого раба за то, что он поделился со мной своей пищей.

И о л а й. Начнём с того, что эту пищу даю ему я. Ты хотела посмотреть на меня, старуха? Вот он я, смотри и уходи! Я занят.

Старуха в лохмотьях, на голове длинный платок, поверх которого дырявая соломенная шляпа. Старуха опирается на длинный посох. Угристое лицо её земляного цвета изуродовано длинным горбатым широким носом, на котором восседает бородавка величиной с горошину, утыканная жёсткими

белыми волосами. Губы цвета лица, испещрённые бороздками морщин, скрывают беззубый рот. Ладони её рук невероятно велики по сравнению с телом и напоминают когти орлицы. Взгляд её остёр и внимателен. Он не пропускает ни одного слова, движения, жеста присутствующих.

Старуха (*Иолаю, не кланяясь*). Позволь мне задать один вопрос, мудрый старец, хозяин этого богатого дома, человек, дающий похлёбку своему рабу.

И о л а й. Спрашивай и уходи, старуха.

Старуха. О гостеприимнейший из смертных... не сын ли ты Ификла? Не тот ли герой, что сражался плечом к плечу вместе со славным Алкидом и правил его колесницей в поединке Алкида с Кикном, колесничим которого был сам бог войны Арес?

Иолай (*с блеском в глазах, гордо*). Это я, старуха.

Старуха. И имя твоё Иолай?

Иолай. Иолай перед тобой. Смотри и уходи, старуха.

Старуха. Я ухожу, Иолай, племянник Алкида.

Аристоммах. Перед тобой, женщина, племянник богоподобного Геракла.

Старуха (*как бы уходя*). Да... да... Алкида. (*Аристоммаху*.) Если назвать глиняный горшок золотым сосудом, он не станет от этого золотым сосудом, а так и останется глиняным горшком.

Иолай. Что ты мелешь, старая ведьма?

Старуха. Так! Это я себе... чтобы не запутаться, славный племянник Палемона.

Иолай (*гневно*). Геракла!

Старуха. Ах... да... да... Геракла, Палемона, Алкида. Какая разница?.. Однако я знала твоего дядю как Алкида. Точнее... ещё когда он звался Алкидом. (*Пауза*.) Или Пале-моном?! Я запуталась и забыла, о чём мы говорили.

Аристоммах. О Геракле, бабушка.

Старуха. Ах... да... да... Алкид! Я держала его на руках, когда он был малюткой. Я даже кормила его своей грудью... Я нянчилась с ним... (*Иолаю*.) И с твоим отцом тоже.

Иолай (*растерянно*). Ты была одной из нянек в доме Амфитриона? Ты нянька Алкида?

Старуха. И Ификла... твоего отца. Твой отец был ласковым ребёнком. Он часто улыбался, почти не плакал и уже тогда отличался весёлостью характера. Казалось, во всём свете не найти было более спокойного ребёнка. Он уже тогда был умнее твоего дяди. Как говорится, ласковое телятко двух маток сосёт. Он был смирен, послушен и любил спать. Во всём доме, я не побоюсь соврать, во всём городе не было женщины, которой не хотелось бы взять его на руки и помякать, а то и дать ему свою грудь. (*Хихикает, с нежностью*.) Так нежен, красив и мил был твой отец малюткой. Чего нельзя было сказать о его брате-близнеце, тучном Алкиде. Беспокойном, грубом, непослушном ребёнке. Он то и дело царапался, пытаясь ухватить няньку за мочку уха зубами. Одной из нянек он выколол глаз пальцем. А своим криком он не давал спать всему дому. Испорченный ребёнок! Амфитрион боялся наказывать мальчишку. Как-никак сын Зевса. А уж твоего-то папеньку частенько по попке хлопали. Сейчас, через много лет, я могу сказать, что твой отец был более достоин быть принятым в сонм богов, Иолай.

И о л а й (*Аристоммаху и рабам*). Уйдите все! (*Раб-египтянин, девушка и Аристоммах уходят*.) Я хочу говорить с тобой, старуха. Как твоё имя?

Старуха (*бормочет*). Если обозвать золотой сосуд глиняным горшком, он от этого не станет глиняным горшком, а так и останется золотым сосудом. Или тебе трудно называть меня старухой?

И о л а й. Хорошо, старуха! Расскажи мне поподробнее, каким был мой отец в детстве.

В окошке, что на правой стене, появляется Аристоммах.

Старуха. Твой отец рос болезненным ребёнком, Ио-лай. У него была страшная болезнь. Впрочем... он её затем перерос. Чего нельзя сказать о его брате. Тот был болен хронически.

И о л а й. Алкид был болен? Не знал об этом. Говори, что это за болезнь.

Старуха. Болезнь близнецов.

Иолай. Впервые слышу о ней, старуха. Она заразна? Как её лечат? В чём её зерно?

Старуха. О да... Это одна из самых заразных болезней на свете. С ней очень трудно бороться. В большинстве случаев она неизлечима. И чаще всего она встречается у близнецов.

Иолай. Геракл никогда не говорил мне, что болен.

Старуха. Он и сам не знал этого.

Иолай. Хороша болезнь!.. Болен, а не знаешь, что болеешь. Значит, у Геракла ничего не болело?

Старуха. В том-то и дело, что можно прожить всю жизнь, да так и не узнать, что болен. *(Пауза.)* А начинается всё с младенчества... Когда двух прелестных, похожих как две капли воды, близняшек отец несёт на руках по городской улице, редкий прохожий не остановится и не посмотрит на две очаровательные одинаковые мордашки. Все дивятся, шепчутся, то и дело указывают на парочку: «Как похожи, как похожи! Дар богов!»

Иолай. Эдак можно сглазить малюток!

Старуха. Ты прав. И дети заболевают. Нет, они не маются животиками, не страдают температуркой, не вскакивают по ночам от страшных снов... Нет... Внутри их обоих в тот момент, вот здесь, под сердцем... образуется зародыш. Зародыш этот есть обманное чувство избранности. Эти два маленьких существа уже с детства обречены на то, чтобы на них невольно обращали внимание, оглядывались на них, восхищались ими, говорили о них, что они избранники богов. При этом им ничего не надо делать для этого. Им нужно было только родиться... Только и всего... Вдобавок ко всему твой отец, которого нарекли Ификлом, был сыном царя, хотя и изгнанного, но царя. А уж его брат-близнец, названный в день рождения Алкидом, и того паче, был сыном самого бога – метателя молний. Где уж тут не зазнаться!..

И о л а й. Я тебя не понимаю, старуха.

Старуха. Болезнь эта есть не что иное... как щемящее необузданное стремление к славе, стремление быть всегда первым, стремление к тому, чтобы на тебя везде, где бы ты ни был, обязательно обращали внимание. Причём идти к этому – любой ценой. Подсознательное чувство избранности, неуправляемая жажда власти. Вот что такое болезнь близнецов. Потому что, если бы, идя по улице, отец нёс двух разных по внешности сыновей, никто бы не обратил на них никакого внимания. Таких мальчишек тысячи, а близнецы – дар богов.

И о л а й *(тускло)*. Мой отец не был подвержен этой болезни.

Старуха. Сын Зевса и сын Амфитриона оба были больны этим недугом, только в разной степени. *(Пауза.)* Только вот одному досталось всё, а другому – ничего... Одному – слава, другому – забвение. Одному, первому по рождению, помогал сам верховный повелитель Олимпа. Меч ему подарил Гермес, лук и стрелы – Аполлон, золочёный панцирь сделал ему Гефест, а Афина сама соткала ему одежду! А теперь скажи, Иолай, кто и когда помогал твоему отцу? Кто? Кто помогал второму сыну Алкмены?

Иолай. Меч ему выковал лучший оружейник в Фивах, лук и стрелы ему подарил его отец, одежду соткала мать.

Старуха. А панцирь?

Иолай. А панцирь он купил себе сам.

Старуха. Вот и посуди, Иолай. Кто был более достоин стать бессмертным? Ификл или Алкид?!

Иолай *(задумался)*. Если бы не Алкид, моего отца в первые же сутки после рождения задушили бы змеи, посланные Герой.

Старуха. Не будем говорить плохо о богах, а то они разгневаются и нашьют напасти. Гера – любимая жена Зевса, и она своенравна.

Иолай. Не будем гневить богов, согласен. Но змеи были... Их послала Гера, чтобы они задушили детей Алкмены.

Старуха (*нервно*). Я была в ту ночь у колыбели сыновей Алкмены. И всё видела. Малышам ничего не угрожало... Змеи были... это правда... Два больших гада. Гера собственноручно положила их в колыбельку с детьми. Она была в ту ночь в спальне Алкмены. Да ослепнут мои глаза, если я вру.

Иолай. Ты видела Геру?

Старуха (*просто*). Она была в одежде нянечки. Что тут такого? Гера – богиня-покровительница матерей.

Иолай. Ты видела и ничего не сделала, чтобы остановить её?

Старуха. Если уж богине Гере чего вздумается, то она, поверь мне, не будет спрашивать позволения у простой деревенской девушки. К тому же у Геры не было злого умысла. Она запустила в колыбель змей, чтобы те язычками прочистили ушки младенцам, как это случилось... к примеру... с Тиресием. Без прочищения ушей змеями Алкид не сумел бы понимать язык птиц и зверей... Однако, как только змеи прочистили язычками ушки малютке Алкиду, он схватил их и задушил. Тем самым лишив своего брата возможности понимать язык живых тварей. А Гера... Если бы она действительно хотела убить Алкида и его брата, направила бы к ним гарпию. А уж эта особа угрызениями совести не страдает.

Иолай. Значит, ты оправдываешь царственную хозяйку Олимпа, старуха?

Старуха. Оставим это.

Иолай. Но младенец Геракл задушил двух больших змей...

Старуха (*нервно*). Разбудив при этом Ификла, его отца и свою мать. Какой поднялся переполох!.. Женщины-няньки, увидев змей, завизжали, Алкмена упала без чувств, Амфитрион – с обнажённым... (*хихикнула*) мечом на пороге комнаты.

Иолай. Злые языки говорили потом, что гадов в колыбель подбросил он. Якобы для того, чтобы узнать, кто из близнецов его сын. И после случившегося сомнений у него не осталось.

Старуха. Он пинал коленом рабов, орал, чтобы дали больше света. Рабы зажгли масляные светильники и послушно держали их у колыбели, потирая ушибленные чёрные нубийские задницы.

Иолай. Тебя, похоже, это забавляет.

Старуха. Тогда я была моложе! С годами страшное становится смешным.

Иолай. Да, время не пощадило тебя, старуха.

Старуха. Мне грех жаловаться на время. Оно отмерило мне большой жизненный путь. Да и тебя, я вижу, тоже не обидело.

Иолай. Грех жаловаться, это правда.

Старуха. Итак, вернёмся к Алкиду и Ификлу, Иолай. (*Деловито.*) Поражённый силой Алкида, Амфитрион призвал прорицателя Тиресия.

Иолай. Ты его уже упоминала, повествуя мне о прочищении ушек у детей с помощью змей.

Старуха. А... да... да... да!.. Так вот, Амфитрион призвал прорицателя Тиресия, уши которого вылизал змей Эрихтоний, дабы он мог понимать язык вещих птиц.

Иолай (*зло*). Что всё же сделал Амфитрион?

Старуха. Он призвал прорицателя Тиресия и спросил его о судьбе сына самого. (*Указывает вверх.*) Слепой старец поведал, сколько всего совершит Алкид...

Иолай. ...И предсказал, что к концу жизни он достигнет бессмертия... Это я и без тебя знаю, старуха.

Старуха. А... да... да... (*Указывает на Аристомаха.*) Этот юноша писал что-то похожее под твою диктовку.

Иолай. Что ты ещё знаешь, чего не знаю я, старуха?!

Старуха. Ты многого не знаешь, Иолай. Человек, который играет в кости, увлечён игрой. А тот, кто наблюдает за игрой со стороны, объективнее судит о происходящем. Я смотрела со стороны.

Иолай. А я, значит, играл?!

Старуха. И ты был увлечён игрой. Ты был в самой гуще игр, битв и событий. У тебя не было времени и возможности рассмотреть все малюсенькие детальки. (*Кашляет.*) Узнав, какая великая слава ждёт первого сына Алкмены, Амфитрион дал ему образование, достойное героя. (*Аристомаху.*) Запомни это... слово в слово! Его учили писать, читать, танцевать, петь, играть на кифаре. Но в науках, танце и музыке Алкид не достиг таких успехов, как в кулачном бою, борьбе, стрельбе из лука, умении владеть оружием. А где был всё это время твой отец?

Иолай. Его тоже учили писать, читать, петь, танцевать, играть на кифаре, борьбе, стрельбе из лука.

Старуха. Амфитрион не мог допустить, чтобы его сын был хуже образован, чем сын самого Зевса. Он сам научил сыновей управлять колесницей, проходить самые крутые повороты. Кастор обучал братьев владению оружием, учил приёмам, тактике боя в пешем и конном строю, а также основам стратегии. Автолик, один из сыновей Гермеса, учил мальчиков кулачному бою. Сам Аполлон обучал их стрельбе из лука...

Иолай. Это говорит о том, какие славные учителя были у Геракла.

Старуха. И у его брата... Ну и что получилось? (*Берёт оставленную рабыней кифару, проводит по струнам.*) Этот музыкальный инструмент тебе ни о чём не говорит? А ведь всё началось именно с него...

Иолай (*угрюмо*). Юный Алкид случайно убивает Лина, учителя музыки и литературы, убивает ударом кифары.

Старуха. Поправлю: не случайно, а преднамеренно.

Иолай. Он сделал это в порыве гнева.

Старуха. Хорошо, хорошо... Алкид в порыве гнева убивает учителя Лина, брата Орфея. Ничего себе прилежный ученичок!.. Впрочем... в руках умельца и щепка становится оружием.

Иолай. Лин ударил Алкида за то, что тот плохо приготовил урок.

Старуха. Скажем точнее... За то, что тот не желал учиться игре на этом прекрасном инструменте. Ты всё знаешь, Иолай. Ответь мне, чего не мог простить твой отец своему брату Алкиду до конца своих дней?

Иолай (*долго молчит*). Не знаю. Ификл любил Геракла и прощал ему всё.

Старуха (*дразнится как ребёнок*). А вот и нет... Он так и не смог простить брату убийства... (*пауза*) своего учителя музыки и литературы Лина.

Иолай. Откуда ты знаешь?

Старуха. Ификл учился лучше Алкида. Он божественно играл на кифаре. Вот отчего ты слушаешь её целыми днями. Отец играл тебе на ней у твоей колыбели. Он восхищал современников стройностью стиха, он написал девять комедий для театра Диониса. В юности, во время игрищ, он в танце прыгал через спины разъярённых быков, поражая храбростью и ловкостью своих сверстниц. Твой дядя мог похвастаться таким багажом достоинств?! Ификл не хуже Алкида стрелял из лука, не хуже владел мечом и копьём. Он был мастером борьбы и кулачного боя, был великолепным наездником, и никто во всей Греции не мог искуснее его управлять колесницей. Этот талант он передал тебе, Иолай!

Иолай. Не понимаю. Куда ты клонишь, старуха?!

Старуха. Ификл был остёр умом, его любили женщины, им восхищались товарищи, его речей боялись в полемике оппоненты. (*Аристомаху.*) Ты можешь записать это, мальчик. И

большинство красивых девушек в Фивах желали его. Во всём городе не было женщины, которая бы не мечтала оказаться в объятиях Ификла. Так прекрасен, силен, умён и обаятелен был твой отец.

Иолай. Потому что он был... был братом Геракла и сыном Амфитриона, потомком самого Персея.

Старуха. Да нет же... Твой отец сам дал бы фору любому герою Эллады. Никогда не забуду его объятий... Страстный, пылкий, неуправляемый, неистовый. Твой отец умел любить женщин. В этом деле он был лучшим... Куда там до него твоему дяде Гераклу!..

Иолай. Как? Он и с тобой?.. Со своей нянечкой?!

Старуха. А чего тут такого? Я бабёнка хоть куда! Ты меня ещё не знаешь. У меня гладкие бедра и упругая грудь... На вот потрогай, пощупай... На вот...

Иолай. Отойди, отойди, говорю!

Старуха (*с огоньками в глазах*). Как знаешь, потом жалеть будешь.

Иолай. Я слышал, что отец был любвеобильным человеком. Но чтобы...

Старуха (*наступает*). Почему ты не пишешь о нём книгу, Иолай?

Иолай. Он не стал бессмертным! (*Отступает.*)

Старуха (*жестом предлагает себя*). Так сделай его таким. (*Указывает на Аристомаха.*) Его пером.

Иолай. Отец не совершил ни одного известного Греции подвига. А Алкид... тьфу... Геракл совершил двенадцать.

Старуха (*нервно*). Подвиги, подвиги... Двенадцать подвигов. (*Остановилась.*) Начнём с того, что их было десять, два не в счёт. Так сказал Эврисфей.

Иолай (*тоже остановился*). Хорошо... десять!..

Старуха. Дались тебе эти подвиги! Что умел делать Алкид?

Иолай. Геракл.

Старуха. Геракл... Разве мог он в танце, под музыку, перепрыгнуть через рога свирепого быка, дотронувшись ладонями до спины зверя? (*Зло, с горячностью.*) Нет! Он мог только уложить этого быка ударом палицы промеж глаз. Как он это сделал с критским быком. Седьмой подвиг Геракла, если читать твои воспоминания, Иолай. Согласись, не было в Алкиде тонкости, изящества, изысканности. Согласись, Иолай.

Иолай. Разве может женщина судить о подвигах героя?!

Старуха. Слова игрока, но не зрителя. Прости, что я говорю известные тебе вещи... Но ведь твой отец и Алкид были близнецами.

Иолай (*ждёт подвоха*). Само собой, ты повторяла это много раз сегодня.

Старуха. Они были близнецами. Не двойняшками, а именно близнецами?!

Иолай (*в напряжении*). Это так. Да.

Старуха. Я думаю, что от твоего зоркого взора не ушёл тот факт, что они были похожи внешне? Правда?

Иолай молчит, ждёт подвоха. Старуха достаёт из кармана медную статуэтку Геракла высотой в локоть и ставит на край фонтанчика.

Старуха. Ну, там мелочи всякие... лицо, глаза, уши, нос... манеры, голос?

Иолай (*вяло*). Конечно, похожи.

Старуха (*достаёт вторую, но точно такую же статуэтку, тщательно трёт её ладонью. Весело*). Вот то-то и оно. (*Ставит на край фонтана.*) Братьев путали. Алкида часто принимали за Ификла, и наоборот.

Иолай. Геракл был выше отца и шире его в плечах.

Старуха. Ну... когда они рядом, то разница действительно была заметна... А когда порознь?! Разве не было случаев, когда твоего отца принимали в чужом городе за Геракла?

Иолай. Было *(нервно)*... и очень часто.

Старуха. И он не спешил раскрывать правду горожанам. Это давало ему привилегии, преимущества. Это, наконец, развлекало его. Сейчас я могу сказать тебе правду... *(Шёпотом, но так, чтобы слышал весь дом.)* Большинство похотливых походов, приписанных тобой Гераклу... это всего лишь мелкие любовные интрижки твоего папаша. Это твой отец... *(Хихикает.)* Чтоб мне ослепнуть! *(Нижним концом посоха тронула один из свитков на камне.)* Тут вот у тебя написано, что, когда Гераклу было восемнадцать лет...

Иолай *(вытирает рукавом лоб)*. Значит, дочери царя Феспия.

Старуха. Во-во, во-во-во! Ты понимаешь меня, Иолай. Геракл выслеживал киферонского льва, нападавшего на стада твоего деда Амфитриона и его соседа Феспия... Этот Феспий был известный чудило. Вообще, все феспийцы отличались лёгкостью нравов... Впрочем, что взять с народа, у которого покровитель Эрос?! *(Аристомаху.)* Так вот, у этого Феспия было полсотни дочерей... Пятьдесят смазливых девиц. *(Подмигивает Аристомаху.)* Боясь, что дочери выберут себе плохих женихов, Феспий решил, что все они должны родить по ребёнку от Алкида. Расчёт старика был точен. Таким образом его внуки становились потомками самого Зевса, который не оставит их в будущем без покровительства. Тут и пригодилось внешнее сходство братьев. *(Меняет статуэтки местами.)*

Иолай. Ты хочешь сказать, что дочерей Феспия познал мой отец?

Старуха *(переставляет одну фигурку)*. Не всех, конечно... Алкид иногда захаживал... *(Переставляет другую фигурку.)* Но большей частью твой отец... *(Снова меняет фигурки местами.)* Можно сказать, он старался за двоих.

Иолай. Но как же Геракл? *(Взял одну из статуэток, не знает, куда поставить.)*

Старуха *(взяла у Иолая фигурку, ставит на край фонтанчика)*. Он было попробовал переспать с первой, самой старшей – Прокридой... Он её, конечно, осеменил... Но ему не очень понравилось... Зрелая девственница... Ему больше нравились шустрые развязные шлюхи... Вот он и попросил брата помочь... Невинные девушки – это был профиль твоего папочки, его, так сказать, специализация.

Иолай. Значит... дети, родившиеся у дочерей Феспия, являются моими родными братьями?

Старуха. Не все, но в большинстве... Так можно сказать. А вот кто точно, этого никто не знает... *(Несколько раз быстро меняет статуэтки местами.)* Кто сейчас разберёт, где сын Ификла, а где Алкида?! Однако результат налицо: пятьдесят один мальчик. Прокрида родила близняшек, и самая младшая из сестёр также разрешилась близнецами.

Иолай. Ай да... папа! Но одна из дочерей царя феспийцев всё же осталась девственницей и стала затем жрицей.

Старуха. Она была умна и внимательна... Она заподозрила что-то и не далась... Ификл не настаивал. Он влюбился в неё по уши! Он слишком любил её... Это был его единственный промах. Будь на его месте Алкид, девчонка непременно стала бы женщиной. *(Трогает палкой свитки.)* Ты тут написал, что Алкид познал дочерей Феспия за одну ночь... Вычеркни!..

Иолай *(бодро)*. Значит, самый яркий подвиг Геракла за этот период – это убийство киферонского льва!

Старуха. Киферонского льва убил Ификл, твой отец.

Иолай. Что?!

Старуха. Прогуливаясь по окрестностям горы Геликон с одной из дочерей Феспия, Ификл заметил среди кустарника небольшую нишу под скалой. Намереваясь заняться там любовью с прелестной феспийкой, он шагнул туда... Это оказалось логово льва... То, что так долго и безуспешно искал Алкид. Лев немедля напал, и Ификлу ничего не оставалось, как драться. К счастью, твой отец никогда не расставался с дорожным мечом. Он двумя ударами

– в сердце и горло – сразил льва... Феспийка была в восторге и отдалась Ификлу тут же, не раздумывая. Так как Ификл выдавал себя за Алкида, этот подвиг приписали затем Гераклу.

Иолай. А что же отец?

Старуха. Ему сильно досталось от дикого зверя... Лев задел его лапой и содрал кусок мяса с плеча.

Иолай. Но почему отец молчал?

Старуха. Наверное, чтобы не разрушать легенду о своём брате.

Иолай. Таким образом... это отец убил киферонского льва, содрал с него шкуру, высушил её на солнце и стал носить как накидку, а голова льва с зияющей пастью служила ему шлемом?

Старуха. Точно. Вот почему Зевс разгневался на Ификла за заносчивость и сделал так, чтобы первым подвигом Алкида на службе у Эврисфея было убийство немейского льва.

Иолай. Слава о подвиге Ификла-Алкида разлетелась по окрестным селениям.

Старуха. Ификл молчал, так как узнай Феспий правду – не миновать войны.

Иолай. По полям ходил гордый Ификл, на плечах которого лоснилась шкура убитого им льва. Алкиду нужен был лев.

Старуха. Только теперь лев более высокой пробы. Вот и пришлось царю Олимпа выпустить в окрестностях Немей льва из своего личного зверинца, необыкновенного льва, волшебного льва.

Иолай. Убийство немейского льва – первый подвиг Геракла на службе у Эврисфея.

Старуха. Но вернёмся к киферонскому льву, когда разгневанный Алкид бродил по тем же полям, намереваясь убить брата. Отец твой знал характер Алкида лучше других и схоронился у той самой дочери Феспия, которую он пожалел и оставил девицей.

Иолай. Ты утверждаешь, что Геракл мог думать убить своего родного брата?

Старуха. Конечно. Он же был хронически болен. (*Крутит у виска.*) Он это пытался сделать не раз... Пример? Хотя бы... убийство всех Алкидов-детей, которых он нажил с Мегарой, и трагическая смерть твоих младших братьев. (*Указывает на статуэтки.*) Спор между Алкидом и Ификлом за столом. Ификл был за то, чтобы тело казнённого Алкидом Пирехма было погребено. Алкид не желал предать покою душу царя эвбеев. И что же? Ссора и поединок Алкида с Ификлом... Результат? Все, кто был в доме, мертвы; всё, что было в доме, разрушено. Тебе повезло, ты был на рыбной ловле. Алкмена и Мегара купались в заливе. Амфитрион – на охоте. А в доме в это время дрались братья. Алкид дрался с Ификлом. Погибли дети дерущихся, вольнонаёмные слуги, рабы, домашний скот и птица, были загублены плодовый сад и огород. Разорён по камешкам дом. Брат дрался с братом, дрался слепо, яростно, неудержимо, неистово.

Иолай. Этого не может быть!

Старуха. Очень даже может, Иолай. Иолай. Почему же Геракл не убил отца? Старуха. Он не сумел.

Иолай. Как? Великий, могучий Геракл не сумел убить в поединке моего отца?

Старуха. Не сумел! Не смог достать его. Он даже не ранил Ификла.

Иолай. А стрелы?

Старуха. Ификл успел перерубить тетиву его лука дорожным мечом.

Иолай. Как же так? Геракл ударом палицы колол каменные глыбы. Он был непомерно силен.

Старуха. А отец твой был невероятно ловок.

Иолай. Ударом меча Геракл рассекал колонны чужеземных храмов.

Старуха. Но не сумел поразить шустрого малого по имени Ификл.

Иолай. Но почему?

Старуха. У них были одни учителя. Их учили лучшие из лучших... Вот почему... Они знали слабые места друг друга.

Иолай. Значит, отец мог победить Геракла?

Старуха. Нет. На стороне Алкида было слишком много козырей. Как ты знаешь, Геракл был неуязвим для оружия противника. Но противостоять ему твой отец, как оказалось, мог... Как потом скажут люди, Геракл дрался с Гераклом. С течением времени эту историю спишут на божественную Геру. Будто бы это она наслала на Алкида сумасшествие и он убил своих детей и детей своего брата... и тому подобная чушь. Ты сам видел, что стало с домом после драки. Ты видел сам, когда вернулся с рыбалки. В слепой ярости Алкид уничтожал всё, что попадалось ему на пути: людей, скот, стены, деревья... Ты сам видел руины. Изуродованные трупы твоих братьев...

Иолай. На пороге сидел отец... весь в крови, как потом оказалось, не в своей. На нём не было ни панциря, ни шлема... Дорожный меч валялся у ног. Алкид, как сказал отец, ушёл в пустыню. Он сошёл с ума! Так сказал отец.

Старуха. Алкид ушёл замаливать грехи.

Иолай. Так сказал отец.

Старуха. Ификл так и не простил Алкиду убийства своих детей и племянников.

Иолай. Отец сидел на крыльце разрушенного дома, обхватив голову руками, и бормотал: «Дети, где дети?... Дети, дети!...» Он повторял эти слова десятки раз. «Я выпустил в него сорок стрел и даже не ранил, – повторял отец. – Дети, дети!...»

Старуха. Он более всего жалел, что не смог спасти детей, более всего жалел о детях.

Иолай. Он повторял эти слова десятки раз. Как будто не знал, что Геракл был награждён неуязвимостью для оружия противника. Это преимущество даровала ему сама Гера.

Старуха. Не видать ему этой божественной привилегии, если бы не подлый обман Афины.

Иолай. Алкмена мне рассказывала, как она по просьбе Афины оставила малютку Алкида под оливковым деревом у стен Фив... Гера шла мимо и, увидев малыша, влекомая материнским чувством, взяла его на руки. Афина, которая сопровождала её, уговорила хозяйку Олимпа покормить младенца грудью, что та и сделала...

Старуха. Вот уж сказки. По-твоему, Гера была настолько слепа, что не смогла при свете дня узнать сына Зевса?!

Иолай (*поймал*). Но Алкид и Ификл были похожи.

Старуха. То-то и оно. Уж эту парочку знали в лицо все Фивы. Но одну деталь она наверняка не упустила бы из виду. Это главное, чем они отличались уже тогда.

Иолай. Что же это?

Старуха. Да так... Было различие вот здесь. (*Показывает на пах.*) Размеры разные.

Иолай. Что, такое заметное?

Старуха. Очень... (*Чихает.*) Гера решила помочь Ификлу и уравнять шансы на престол и силу братьев. Для этого она решила покормить Ификла своей грудью, дабы он стал неуязвим для оружия своих врагов. Она послала богиню случая Тиху, чтобы та вынесла ей ребёнка в полночь во двор. Подослав перед этим в дом Амфитриона бога сна Гипноса, дабы он усыпил всех домочадцев. Перепутать младенцев было невозможно, даже во мраке спальни.

Иолай. Ну это я понял уже...

Старуха (*хихикает*). Да нет же... Геракл был тяжелее брата в полтора раза, и Гера это знала. Но Афина, подслушав разговор Геры с Тихой, успела перепеленать Ификла, подложив ему под спинку тяжёлую толстую золотую пластину. Ребёнок даже не проснулся.

Иолай. Бог сна сделал своё дело.

Старуха. Алкмена потом всё удивлялась, откуда взялось столько золота. А Афина просто схватила то, что первое попало ей под руку во дворце на Олимпе...

Иолай. Тиха взяла более лёгкого ребёнка и принесла его Гере.

Старуха. Точно. Так Алкид стал неуязвимым для оружия своих врагов.

Иолай. Но малютка с такой жадностью стал сосать молоко Геры, что богиня сразу поняла, кого она держит на руках.

Старуха. Заметив подмену, она в гневе с такой силой отшвырнула Алкида, что капли её молока заляпали ночное небо.

Иолай. Так появился Млечный Путь.

Старуха. Так появился Млечный Путь. Афина поймала младенца и отнесла его в дом.

Пауза.

Иолай. Твой рассказ правдоподобен.

Старуха. А в твоей версии нет одной составляющей... Ночного неба, звёздного Млечного Пути. А в потёмках и богиня Гера могла ошибиться, уверяю тебя.

Иолай. Согласен. Откуда ты всё это знаешь, старуха?

Старуха. Я же была в доме Амфитриона, Иолай. Но вернёмся к киферонскому льву...

Иолай. Там всё ясно... Я тебе верю... Его убил мой отец.

Старуха. Правильно. А Алкид в злобе бродил по склонам горы Геликон, чтобы найти и наказать своего брата, отнявшего у него героический подвиг.

Аристомах. Конечно, хорошо лезть на рожон, зная, что ты неуязвим.

Старуха (*Иолаю*). Смышлёный малый. Так вот, ходил это Алкид, значит, бродил. Нет нигде Ификла. Ну нет – и всё. Схоронился. Не найти... Да уж больно у Алкида кулаки чешутся. Хочется ну хоть кого-нибудь искалечить. И тут подарок судьбы... По дороге идут минейские глашатаи, идут собирать дань с Фив. «Куда, – спрашивает их Алкид, – идёте?» – «Да дань собрать с жителей Фив. Дабы помнили они, как благородно поступил с ними царь наш Эргин, не отрубив уши, нос и руки всем жителям семивратных Фив, когда взял город штурмом».

Иолай. Я знаю эту историю.

Старуха. И Алкид сделал с минейскими послами то, что их царь Эргин не сделал с жителями покорённых им когда-то Фив.

Иолай. И что тут такого?

Старуха. А чего? Ничего! Накипело у парня, вот он и сорвался. Иskalечил безоружных... Двадцать восемь человек. Двадцать три умерли в дороге от потери крови, остальные дома сошли в мир иной. А так ничего. Проще, мне кажется, было их прикончить сразу... там же...

Иолай. Но...

Старуха (*перебив*). Ну а дальше – война. Как потом объявят – освободительная. Война за свободу Фив. (*Себе*.) Впрочем, так оно всегда получается.

Пауза.

Старуха. И подвиги эти его тоже. глупость одна. Ребяческая бравада. Его ведь никто не заставлял идти батрачить на Эврисфея... Сам ведь пошёл. Его силком никто не гнал...

Иолай. Он боялся гнева Зевса.

Старуха. Ещё бы! (*Кашляет*.) Однако вернёмся к происшествию, о котором я уже упоминала раньше. Убив в слепой ярости своих детей и твоих братьев, исполин Алкид исчез. Прошлявшись несколько недель по пустыне, он пришёл к развалинам материнского дома... Пришёл ночью, пришёл, сторонясь людских глаз. И, когда царь Феспий совершил над ним обряд очищения, Алкид спешно отправляется в Дельфы, чтобы спросить Пифию о том, что делать дальше...

Иолай (*перебив*). Пифия впервые назвала его Гераклом, что значит «прославленный Герой». Она посоветовала ему поселиться в Тиринфе и двенадцать лет служить у Эврисфея.

Совершать любой подвиг, который тот ему повелит совершить. Геракл очень расстроился: служить человеку, который... как он знал... во многом уступал ему самому в уме и силе...

Старуха (*в зал*). По поводу ума я бы поспорила.

Иолай. С этого времени Алкид стал называть себя Гераклом.

Старуха (*с лукавой усмешкой, кивает вверх*). Зевс всё предусмотрел. Теперь, после убийства своих детей, Алкиду нужно было быстренько поменять имя. Алкид убил Алкидов, детей своих, ко всему прочему, убил детей своего брата. Слишком страшно, чтобы быть правдой. Дело, впрочем, можно было замять. Но Ификл не стал молчать, и вышел громкий скандал. Надо было срочно менять имя. Само имя Алкид слишком примелькалось, оно не сходило с уст людей и стало синонимом словосочетания «убийца своих детей». Не выбрали ничего лучше, чем прикрыться другим именем – именем верховной богини Олимпа, славной Геры.

Иолай (*с пафосом*). Именно под этим именем его узнает весь мир, именно с этим именем будут связывать его великие подвиги.

Старуха. Опять ты за своё, Иолай! Никаких подвигов не было... Так! Много шума из ничего...

Иолай. Тебе не удастся переубедить меня, старуха. Двенадцать подвигов Геракла уже никто не сможет вычеркнуть из истории человечества. Одно только убийство немейского льва...

Старуха. Вот, точно, совсем забыла. Старею... Первый подвиг Алкида.

Иолай. Первый подвиг Геракла, старуха.

Старуха. Я бы не посмела называть убийство бедного животного подвигом.

Иолай (*встал*). Что ты сказала?

Старуха. Тебя же там не было. Ты знаешь эту историю со слов самого Алкида.

Иолай (*роется в свитках, что лежат рядом с ним на плоском камне*). Сохранились воспоминания пастуха по имени Молорх.

Старуха. Он видел не более твоего. Вся его забота заключалась в том, чтобы оплакивать погибшего в лапах льва своего маленького сына да рыскать по пустому городу, занимаясь мародёрством. Жители города покинули свои дома в одночасье, боясь льва, а Молорх остался. И бедное дитя поплатилось жизнью за глупость отца. Так вот, этот Молорх тридцать дней сидел, запёршись в винном погребе под домом богатого горожанина и ожидая, когда за ним вернётся Алкид.

Иолай. Клевета!

Старуха. Когда Алкид покинул пустынный город Немею, он отправился на поиски логова льва в лес... Тут-то и появился Гермес, посланец повелителя молний. Он надоумил Алкида, как победить могучего волшебного льва. Гермес дал сыну Зевса и Алкмены пузырёк с мёртвой водой из реки Стикс, что течёт в царстве мёртвых. Он же неведомо откуда привёл жирного барана. Где взял Гермес этого барана – загадка! Ведь немейский лев, с тех пор как его выпустили на волю, опустошил все окрестности. Ну да это забота богов. По наущению Гермеса Алкид взвалил себе на плечо барана и пошёл искать логово. Гермес взмыл в небо и исчез. По меткам на деревьях, которые оставила Афина, Алкид без труда обнаружил логово лохматого лесного разбойника. Вошёл в него, так как знал, что льва там не было. Гермес сделал своё дело. Вошёл и заметил, что пещера имеет два входа. Алкид завалил один вход камнями. Внутри логова он привязал к валуну барана, которого предварительно окропил мёртвой водой из реки Стикс. Сам же взобрался на скалы над свободным входом в логово и стал ждать. Блеянье барана разносилось из пещеры по округе. Когда появился лев, запах барана заманил его в логово. Там свирепый лев набросился и сожрал бедного барашка. Вода из мёртвой реки подействовала, и лев ослаб и ослеп, но не сдох, как рассчитывал Гермес. И когда незрячее и обессиленное хищное животное выползло из логова наружу... Тут его уже ожидал Алкид, который столкнул огромную каменную глыбу, и та раздавила льва в лепёшку.

Иолай. Геракл задушил немейского льва руками, это знают все!

Старуха. Алкид раздавил немейского льва огромной каменной глыбой, это и есть правда. Вот как он задушил немейского льва.

Иолай. Шкура льва была так тверда, что ни стрела, ни меч, ни копье не брали её.

Старуха. Верно. Твоя правда. Затем Алкид отодвинул валун, вырвал с помощью кузнечных щипцов коготь льва. Я не буду говорить, кто оставил эти щипчики. Этим когтем Алкид распорол шкуру льва и содрал её с туши. С тех пор он стал носить эту шкуру как накидку. А череп с мордой служили ему шоломом.

Иолай. Геракл точь-в-точь повторил подвиг моего отца в Феспии.

Старуха. И по дорогам Греции стали бродить два крепких парня в львиных шкурах. Вот откуда появился слух, что Гераклов было несколько... трое... шестеро... сорок три... и так далее.

Иолай (*упрямо*). Геракл был один. Ибо только он один мог задушить немейского льва руками. Я подчёркиваю: руками!

Старуха. Когти чудесного немейского льва были тверды, как сталь, и остры, как лезвие цирюльника. Стоило льву полоснуть раз-другой Алкида не сильно или случайно – и всё!..

Иолай (*махнет свитком*). Но Молорх говорил...

Старуха (*кричит*). Зевс не мог допустить, чтобы его любимому сыну грозила смертельная опасность!

Иолай (*тоже кричит*). Молоко богини Геры сделало Геракла неуязвимым! Неуязвимым от стрел, мечей и копий, от когтей и клыков диких животных, от...

Старуха. Ты же старый вояка и опытный боец, Иолай. И теперь представь себе сцену (*истерически хохочет*): Алкид душит огромного льва, а лев тем временем беспомощно задрал лапки к небу... «На, мол, души меня, Алкид, ты же славный парень!» Так, что ли?!

Иолай. Геракл напал со спины и свернул льву шею.

Старуха. И лев, по-твоему, даже лапой не повёл? Оставь эту историю детям на ночь, Иолай. Ты сам много раз дрался с дикими животными и нападал со спины... И что? Тебе это помогло?

Иолай молчит.

Старуха. Рваные раны, следы от когтей, укусы!.. А что потом? Загноения. Месяцы в бинтах. Примочки, отвары. Всё твоё тело покрыто шрамами.

Иолай. Я и подумать не мог.

Старуха (*мягко перебивает*). А надо бы, не мальчик уж, и даже не муж...

Пауза.

Старуха. Эти листы наполнены ложью.

Берёт свитки и бросает их в фонтанчик. Иолай вскакивает. Старуха острым нижним концом палки резко бьёт ему в грудь. Старик оседает на скамью.

Иолай (*шипит*). Ведьма!

Старуха (*берёт один из свитков, что лежат на камне, пробежала глазами*). Второй подвиг Алкида. У тебя он описан кратко.

Иолай (*трёт ушибленное место*). Я был его участником. Мне неудобно. Получается, я восхваляю самого себя.

Старуха (*нежно, с жалостью*). Больно?! (*Гладит Иолая по плечу.*)

Иолай (*стиснув зубы*). Ты задела мою старую рану, старуха.

Старуха. Лернейская гидра. Всего сорок девять строк крупным детским почерком. И это твоё первое боевое крещение в лучах славы великого потомка Персея, сильнейшего из людей – Алкида.

Иолай (*всё ещё трёт грудь*). Героя украшает скромность.

Старуха. Ну... почему? Расскажи мне, как это было, а, славный Иолай! Это твоё боевое крещение. Его ты должен помнить особенно подробно. Дело было, кажется, на болотах.

Иолай (*трёт рану*). Путь к славе не всегда усыпан лепестками роз, старуха.

Старуха (*разворачивает свиток*). Ну, что тут у тебя? (*Читает.*) Подвиг второй: лернейская гидра. (*Себе.*) Интересно. (*Читает.*) Город Лерна стоит на берегу моря в пяти милях от Аргоса. Это плодородное и святое место стала опустошать хищная гидра, которая устроила себе логово под платанами у семи ключей, дающих начало реке Амимоне, и рыскала по соседнему бездонному болоту.

Иолай. У гидры было огромное собачье туловище и девять змеиных голов, одна из которых была бессмертна. Некоторые считают, что у неё было пятьдесят, сто и даже десять тысяч голов. Я читал об этом... Но...

Старуха. Во всяком случае, она была так ядовита, что одно дыхание её и даже запах её следов могли уничтожить всё живое.

Иолай. Афина всё обдумала.

Старуха (*читает*). ...как Алкиду лучше всего убить чудовище, и когда на колеснице, управляемой Иолаем... (*Хихикнула.*)

Иолай. Что? Что-то не так?

Старуха. Пока всё верно... (*Читает.*) ...и когда на колеснице, управляемой Иолаем (*Чихает.*) ...и когда на колеснице, управляемой Ио...

Иолай (*перебив*). Давай дальше! Что с тобой, старуха?!

Старуха. Ничего, Иолай! (*Чихает.*) ...и когда на колеснице, управляемой Иолаем, он достиг Лерны. (*Ехидно.*) А этот Иолай... он?..

Иолай (*вскочил, хочет отобрать свиток, бежит за старухой вокруг фонтанчика*). Дай сюда свитки!

Старуха (*весело, как девчонка*). Не-а!

Иолай (*остановился передохнуть*). Дай... говорю!

Старуха. Чего ты, Иолай?! В самом деле, как мальчишка... Это написано для всех, значит, и для меня. (*Читает, подчёркивая каждую букву.*) ...на колеснице, управляемой...

Иолай. ...Иолаем...

Старуха. ...он достиг Лерны, богиня...

Иолай. ...Афина...

Старуха (*читает*). ...указала ему...

Иолай. ...Гераклу...

Старуха (*читает*). ...где находится логово гидры. По совету Афины он заставил гидру покинуть нору, пуская из лука горящие стрелы, а когда ему удалось ухватить чудовище руками... (*Себе.*) Ух ты!.. Лихой всё же мужик твой дядюшка Алкид... (*Подчёркнуто.*) Ухватить?!

Иолай. Он задержал дыхание.

Старуха (*делает вид, что читает*). Однако чудовище обвилось вокруг его ног, стараясь свалить его. Напрасно Алкид бил дубиной по голове гидры. Стоило ему раскрыть одну голову, как на её месте вырастали две, а то и три новые. (*Свистит. Иолаю.*) Страхи-то какие! Жуть!

Иолай. На помощь гидре из болота выполз огромный рак Каркин и вцепился Гераклу в ступню...

Старуха (*изображает, скачет и топает, как играющий ребёнок*). Но Алкид в ярости растоптал его и призвал на помощь Иолая. (*Просто.*) Снова ты, Иолай.

Иолай. Дай сюда листы.

Старуха. А ты догони! (*Читает.*) Иолай поджёг часть ближней рощи, а затем, чтобы у гидры не выросли новые головы, стал прижигать горящими головнями обезглавленные шеи и тем самым остановил кровь. (*В зал.*) Витиевато написано.

Иолай. Тогда Геракл мечом отрубил бессмертную голову, которая частично была золотой... и закопал её, всё ещё шипящую, в землю у дороги в Элеунт, навалив сверху огромную скалу. Туловище он разрубил на куски и погрузил свои стрелы в смертоносную желчь. Отныне даже небольшая рана, причинённая такой стрелой, становилась смертельной.

Старуха (*Аристомаху*). Да, гуманизмом он не страдал. Милосердный поступок! (*Смотрит в свиток.*) Всё слово в слово, как на бумажке... Учил наизусть?!

Иолай. Отдай свитки. Они принадлежат человечеству.

Старуха (*бросает свитки в фонтан*). Да, пожалуйста! Нужны мне они... (*Бросает ещё и ещё.*)

Иолай (*с дрожью в голосе*). Ты что сделала, старая дура! (*Достает свитки из воды.*) Им нет цены.

Старуха (*равнодушно*). В благодарность за службу и верность Гера поместила изображение рака Каркина среди двенадцати знаков зодиака.

Иолай (*раскладывает мокрые свитки*). А Эврисфей посчитал, что этот подвиг совершён не по правилам, поскольку я таскал для Геракла головни.

Старуха. Алкид сам проболтался Эврисфею, что ты помогал ему. После этого тебя и других своих друзей Алкид не упомянет нигде. Словно все эти подвиги он совершил один. (*Бросает оставшиеся в руках свитки.*) Ловко ты это всё...

Иолай. Что?

Старуха. Описал, говорю, красочно, а главное, доходчиво. Зачитаешься! Только всё это так, литература. Фантазии выжившего из ума старика. Так что же там произошло на самом деле, Иолай?!

Иолай (*ползая на коленках, собирает свитки*). Это подвиг... Подвиг!

Старуха (*стоит подбоченясь*). Тогда я попробую рассказать его за тебя, Иолай. (*Аристомаху.*) Богиня Гера ненавидела заносчивого и небогатого умом пасынка Алкида, прикрывающегося её именем. И она приказала Эврисфею послать его на лернейское болото, где сына Зевса и Алкмены уже ждала гидра. Алкид отправился в путь. Ты последовал за ним.

Иолай (*в волнении*). Ты не лжёшь, старуха. Это чистая правда.

Старуха. Ты стал его оруженосцем, колесничим, стал его правой рукой с той поры...

Иолай. Что-то вроде того.

Старуха. Когда вы достигли болот, места оказались дикие. Леса, озёра, топи. Мудрая Афина подсказала Алкиду, как убить гидру, указав вам дорогу к истоку реки Амимон. Вечерело. Ты и Алкид перекусили и пошли...

Иолай (*внезапно побледнев*). Это была оправданная хитрость.

Старуха. Вечер ближе к ночи, самое время устраивать засады на запоздалых путников. Ты взобрался на дерево. Алкид стоял за двумя сросшимися платанами.

Иолай. У нас не было выбора. Они сами виноваты!

Старуха. Чем?! Тем, что шли по этой дороге?!

Иолай. Это были слуги Эврисфея. Они следили за нами от самых Микен.

Старуха. И что из того?!

Иолай. Их корзины были полны гадкими шипящими тварями.

Старуха. Они были подневольными людьми. Им было всё равно, что нести: тюки шерсти, амфоры с вином или корзины со змеями. Они – рабы, они ничего не решали. Им приказали. И что вы сделали? Вспоминай!

Иолай. Мы напали и пленили их.

Старуха. Они даже не успели поставить корзины на землю.

Иолай. Со страху у них развязались языки. Они рассказали нам, что Эврисфей приказал им идти за нами следом, чтобы во время битвы Геракла с гидрой они выпустили к нам в тыл шесть сотен ядовитых гадин. Ориентируясь по крику гидры, змеи набросились бы на нас сзади.

Старуха (*довольна собой*). Эврисфей был не так глуп, как ты его описываешь. Он, наверное, просто решил подстраховаться и сделать ваши шансы вернуться в Микены нулевыми.

Иолай (*злобно*). Ну и мразь же был этот Эврисфей!

Старуха. Царь как царь... Продолжай. Что дальше-то было?

Иолай. Наутро...

Старуха. Э-э, нет. Так дело не пойдёт. Рабы Эврисфея за ночь могли разбежаться, как тараканы.

Иолай (*нервно*). Мы их связали по рукам и ногам.

Старуха. Это да. А ещё?.. До этого?

Пауза.

Иолай. Они попались под горячую руку.

Старуха. Ну да. понятно! Конечно! Как и минейские глашатаи. А чего стесняться?! Говори! (*Иолай молчит.*) Подвиг же! (*Кричит, напугав Аристомаха.*) Это же подвиг! Чего ты, Иолай?! (*Тихо.*) А ты говоришь «подвиг»? Вот ведь как...

Иолай (*закрыв лицо ладонями*). Не могу!

Старуха. Вы ослепили всех рабов и только затем связали их по рукам и ногам. Сколько было рабов, Иолай?

Иолай. Не помню!

Старуха. Если ты лишился памяти, зачем же ты пишешь мемуары, Иолай?! (*Пауза.*) Их было двадцать четыре человека. (*Выставляет перед собой руку, оттопырив, как коготь, указательный палец. Ковыряет воздух, выкалывая воображаемые глаза.*) По дюжине на каждого. Вот оно, твоё боевое крещение, в лучах его славы. Выкалывание глаз рабам... истязание беззащитных!

Иолай. Замолкни! (*Попытался напасть на старуху, но старая рана опять заболела.*) Больно!

Старуха. Почему вы не отпустили рабов, Иолай?! Отобрали бы корзины и отпустили...

Иолай. Не в наших правилах отпускать врагов.

Старуха. А наутро вы пошли по указанной Афиной дороге к логову гидры, ведя за верёвочку слепых рабов. как бусы. Прости за чисто женское сравнение. За сто шагов до логова Алкид приказал рабам копать яму – большую яму, огромную яму.

Иолай. Они копали долго. Копали черепками разбитой мной случайно амфоры, ложками, палками, осколками каменной глыбы, руками, толкаясь и обсыпая друг друга землёй, работая на ощупь.

Старуха. Землю выбирали и поднимали наверх корзинами и ссыпали её тут же со склона в болото. Пятерых рабов Алкид взял с собой в лес, и к полудню они вернулись, неся огромные охапки сена, вязанки хвороста и дров. Одного раба доставало. Что с ним сделал Алкид, никто уже не узнает. Это был хрупкий юноша, похожий на девушку... почти мальчик. Рабы работали на совесть... Страх быть убитыми подгонял их. Они выкопали огромную яму глубиной в десять локтей. Всех рабов, что были наверху, кроме одного здорового перса, Алкид столкнул в

яму. Этого перса Алкид облачил в свои латы, подарок бога Гефеста, дал рабу свои щит и копье. К поясу перса он привязал верёвку, другой конец которой держал у себя. И так – втроём – вы пошли к логову. Если немейский лев был подарком Зевса своему сыну Алкиду, дабы тот мог снискать себе безграничную славу, то лернейская гидра была возвращена, чтобы уничтожить того же Алкида. Она была так ядовита, что одно её дыхание убило бы вас...

Иолай. Афина дала Гераклу серебряную флягу с противоядием... Перед боем Геракл выпил три четверти её содержимого и четверть оставил мне.

Старуха. Ты, наверное, не понял. Гидра была специально рождена Тифоном и Ехидной, чтобы убить твоего Геракла. А та водичка, что вам дала Афина, так это так, для моральной поддержки... Лёгкий наркотик... Против комаров, впрочем, сгодится. Геракл твой это знал, потому и не подходил к гидре ближе чем на десять шагов. Ну а ты выжил чисто случайно, можно сказать, повезло.

Иолай. Я ничего не знал.

Старуха. Слепой перс, ты и Алкид...

Иолай. Тогда он уже звался Гераклом.

Старуха. Ой, вот только не надо, а! Вывески перевешивать, ярлыки менять. Какая разница? Впрочем, если ты путаешься, я могу звать его Гераклом.

Иолай. Будь добра.

Старуха. Договорились. Так вот... Слепой перс, ты и... Геракл подошли к логову гидры. Геракл набросил на голову рабу мокрый холщовый мешок, чтобы хоть как-то защитить его от ядовитого дыхания хищного зверя и чтобы гидра не смогла узнать, кто находится в латах Геракла.

Иолай. Гидра была очень хорошо выдрессирована. Она видела латы Геракла. На эти латы её натаскивали ещё тогда, когда их ковал Гефест. Это нас и спасло.

Старуха. Не перебивай. Мокрые мешки себе на головы надели и вы. Прямо не поле брани, а сцены из спектакля театра Диониса в масках. Тут начинается самое интересное.

Иолай. Как ты можешь шутить, старуха?! Ведь ты же наверняка была сестрой, женой, матерью.

Старуха. Геракл стал пускать стрелы в логово гидры. Та вышла и стала неистово шипеть. Бедный раб, поняв, что сейчас умрёт, в испуге бросился бежать, беспорядочно размахивая копьем и щитом. Вы понеслись со всех ног. Геракл тащил раба за собой на верёвке.

Иолай. Гидра, увидев знакомый панцирь, погналась за персом.

Старуха. А бегала эта собака-змея не медленно. Если мне не изменяет память, у рыбаков этот способ называется «ловля на живца».

Иолай (*входит в раж*). Геракл всё точно рассчитал. Незрячий перс угодил прямо в яму с рабами, гидра прыгнула за ним. Геракл заманил чудовище в ловушку. Я стал бросать в яму сено и хворост. Геракл подкатил к краю ямы огромную амфору с маслом и ударом палицы разбил её так, что масло хлынуло в яму.

Старуха (*резко*). Ты бросил факел!

Иолай (*быстро*). Нет!

Старуха. Это был ты, Иолай! Признайся, имей мужество! Это был ты!

Иолай. Он так хотел. Так хотел Геракл. Из тех, кто там был, остались в живых только он и я. Все остальные сошли в царство Аида.

Старуха. Они сгорели, мечась среди жалящих их змей, облитые горящим маслом. Мало того, как только огонь занялся, вы оба сбросили в яму все корзины со змеями. Вот это было зрелище!

Иолай. Я не смотрел в яму.

Старуха. В яме гидра в злобе жалила и кусала всех без разбора. А затем, взобравшись на трупы, цепляясь за ветки, попыталась выбраться, выпрыгнуть.

Иолай. Геракл вырвал с корнем небольшой платан и уже ждал её. Он сталкивал гидру обратно прямо в середину пламени.

Старуха. Тут ты увидел, что гидра сможет выпрыгнуть на другой, противоположный край ямы. Ты схватил вторую амфору, выбил пробку и побежал, поливая края ямы маслом. На другой стороне ямы ты разбил амфору о камень. Гидре некуда было деваться! Пламя пылало всюду. Края ямы превратились в ворота царства Аида. Она горела.

Иолай. Поделом!

Старуха. Слуги Эврисфея тоже...

Иолай. Они хотели убить нас.

Старуха. Они выполняли приказ, они всего лишь слуги. *(Пауза.)* Ты хорошо спишь по ночам, Иолай?

Иолай *(закрывает уши ладонями)*. Умирать буду – не забуду эти душераздирающие крики.

Старуха. Услыхав крики гидры, из болота выполз огромный рак Каркин. Он бросился на тебя. Но ты ловко столкнул его в яму корневищем молодого платана, в самое пекло.

Иолай. А Геракл вырывал деревья с корнем и бросал их в жерло ненасытного пламени.

Старуха. От разлитого тобой масла вспыхнула стоящая рядом платановая роща.

Иолай. Мы не ожидали такого поворота событий.

Старуха. Да, что уж теперь-то говорить! Гидра задохнулась и спеклась, с ней сгорели её союзник Каркин и рабы Эврисфея. Огромный валун с горы Понтин стал им надгробием.

Продолжительная пауза.

Старуха. Скажи, Иолай, кто надоумил Геракла смазать наконечники стрел ядовитой желчью лернейской гидры?!

Иолай *(как нашкодивший школяр)*. Афина Паллада, наверное...

Старуха. Это была твоя идея, Иолай! Именно ты на утро следующего дня вытащил крюком из пепелища ещё горячую обгоревшую тушку гидры.

Иолай. Эту тварь даже огонь не испепелил.

Старуха. Вспорол ей брюхо и посоветовал смазать её кровью наконечники его стрел. В первую очередь, конечно же, ты смочил этой кровью наконечники своих стрел. С тех пор даже малюсенькая случайная царапина от них несла верную смерть. Вспомним твоего друга кентавра Фола. Это ведь была твоя стрела? Твоя! Стрела с совиными перьями. Стрелы Геракла были с орлиным оперением.

Иолай. Это нелепая случайность. Зато мы избавили мир от беспощадной лернейской гидры.

Старуха *(с иронией)*. И рака Каркина.

Иолай. Это мой первый противник, достойный внимания.

Старуха. Нет сомнения, его убил ты. Геракл в этом знаменательном событии не участвовал. Это точно.

Иолай. Он в это время жарил девятиголовую гадину.

Старуха. Какая голова гидры была бессмертной? Золочёная? *(Улыбается.)*

Иолай *(немного пришёл в себя)*. Мы спасли город Лерну от страшного, зловещего чудовища, а ты ёрничаешь, старуха.

Старуха. В том нет сомненья, вы спасли Лерну, в том нет сомненья... Опустошив на сотню миль всё вокруг этого города. Испепелив леса, рощи и поля этим пожаром.

Иолай *(полностью взял себя в руки)*. Меня не волнует, что было потом. Своё дело мы сделали. *(Тупо.)* Гидра была мертва.

Старуха. Премиленькая картинка: чёрная пустыня, угли да головёшки там, где раньше шелестели леса и рощи. На болотах и вокруг озёр сплошь дым да гарь, копоть на сотню миль. Жители Лерны благодарны вам за это. Они, кстати, той гидры в глаза не видывали. Жила себе на болоте, и ладно... А тут надо же!.. Герой с подручным явились. Хорош герой! Гидру убил, всё вокруг сжёг – и домой. А людям – тушить пожары, спасать себя и детей.

Иолай. Гидра опустошала стада и поля этих самых жителей.

Старуха. Ты же видел её своими глазами, Иолай. Ну стянет она у пастуха одну овечку... Оно же дикое животное. Какие стада, какие поля?! Это вы в тот год сожгли сотни посевов зерновых своим пожаром.

Иолай. Лето было сухое.

Старуха. Жаркое было лето. Подведём итог. Убив гидру, Геракл уничтожил окрестные леса, сады, сжёг посевы земледельцев, оставил скот без пастбищ, сотни голов пришлось гнать на убой.

Иолай. Не сгущай краски, старуха. Убить гидру приказал Гераклу Эврисфей.

Старуха. Ну... да... конечно. Это ведь жалкий, трусливый, хилый Эврисфей приказал уничтожить лесной массив и хлебный запас целой провинции. Пожар ещё сожрал более сотни хижин селян, плюс оливковую рощу. Вы обрекли на голод тысячи людей. В общем, подвиг, достойный великого героя.

Иолай. Ты всё преувеличиваешь, старуха. Но то, что был большой пожар, я не отрицаю.

Старуха. И ни одного свидетеля. Чистая работа, не подкопаешься! Молодцы! *(Поднимает свиток, который ранее уронил Иолай, просматривает текст.)* Ещё один подвиг Алкида... Ой... скрывающегося под маской Геракла. Керинейская лань с золотыми рогами и медными копытцами, которую он ранил в ногу, а затем изловил.

Иолай *(спешно)*. И всё это по прихоти Эврисфея! Это так, и не думай и этот поступок переиначивать, старуха. Я видел это своими глазами.

Старуха. Я ничего не переворачиваю с ног на голову, я только констатирую факты, Иолай! Чем ранил чудесную лань твой знаменитый дядя?

Иолай. Стрелой. Он выстрелил из лука. Потом появилась Артемида. Это была её лань. Геракл подошёл к богине и произнёс: «О великая дочь Латоны...»

Старуха. Ну да... Ну да... Во всём виноват не Геракл, а Эврисфей. Знакомая песня! Читали, знаем! Не пудри мне мозги, Иолай. Это для читателей твоих книжек. Стрелы-то твои и Геракла напоены были ядом гидры. Только не надо меня убеждать, что в ваших колчанах нашлась одна завалящая стрела, наконечник которой вы не смазали кровью болотного чудовища.

Иолай. Мы ловили лань целый год.

Старуха. Вот-вот! То-то и оно! Повелителю молний надоело смотреть, как его любимчик двенадцать месяцев гоняется за обыкновенной ланью... по горам, лесам и болотам... И он послал Афины...

Иолай. Лань была волшебной, с большими ветвистыми рогами, как у оленя. Она была крупнее самого большого быка.

Старуха. Ну и что из того? Таких ланей было много. Лично я видела четырёх. Обыкновенные животные.

Иолай. Идя по следу, мы достигли далёкой страны гипербореев и пришли к истокам Истры.

Старуха. Там лань остановилась нагуливать жирок.

Иолай. Геракл хотел её схватить...

Старуха. Но она помчалась обратно на юг.

Иолай. Кони выбились из сил, у нас не было уже мочи гнаться. Мы сутки проводили, стоя на колеснице.

Старуха. И тогда Геракл выпустил стрелу, которая пригвоздила передние ноги лани одну к другой, пройдя между костью и сухожилиями так, что не упало ни капли крови.

Иолай. Да.

Старуха. Почему лань не умерла?

Иолай. Это была простая стрела, без яда. Геракл её сделал специально для лани.

Старуха. Эту стрелу, не знающую промаха, подарила Гераклу его сестра по отцу – богиня справедливой войны Афина. Этой стрелой даже слепой мог бы ранить в ногу не то что лань – мышшь. Стоило только подумать, и стрела послушно летела в цель.

Иолай (*раздражённо*). Геракл сделал эту стрелу сам!

Старуха. Он сказал тебе, что сделал её сам, но стрелу эту дала ему Афина. Не понимаю, почему бы не поймать лань сетью? Это проще.

Иолай. Осторожное животное не подпускало нас ближе чем на пятьсот шагов. Как только мы подъезжали ближе, лань стремительно убегала.

Старуха. И ты хочешь уверить меня, что Геракл попал в тонкие ноги лани с пятисот шагов?..

Иолай. Больше!

Старуха. Ага, попался! У меня больше нет вопросов. Ты сам только что подтвердил верность моих слов, Иолай!

Иолай (*как заворожённый*). Такой выстрел! Чудо! Эх!.. Если бы ты только видела, старуха!

Старуха. А говоришь, простая стрела.

Пауза.

Иолай. Почему я слушаю тебя, сумасшедшая старуха?

Старуха. Ты просто хочешь знать правду о нём.

Иолай. Я знаю правду о нём. Я был с ним, начиная с лернейской гидры и до конца. А как же битва с кентаврами и эриманфский вепрь?

Старуха. Этот подвиг безупречен! Вы загнали кабана на снежную вершину горы Эриманф. Он увяз в снегу, где вы легко взяли его. Вы же были в снегоступах. А до этого, по дороге к горе, вы оба зашли в гости к мудрому кентавру Фолу. Он устроил пир.

Иолай. Об этом много болтали и писали.

Старуха. Вино, которое вы пили, было достоянием всех кентавров, что жили в этой местности. Почувстввав нежный винный запах, они устремились в пещеру к Фолу, чтобы отнять вино. И тут их встретил ты, встретил ядовитыми стрелами, а потом твой дядюшка... И гнали вы кентавров до самой Малей, где Геракл случайно убил стрелой своего лучшего друга – кентавра Хирона. А так у меня к этому подвигу претензий нет. Чужое вино, пьяная драка, девять убитых кентавров... Из них два верных ваших друга.

Иолай. Фол, дивясь смертоносной силе наших стрел, вытащил одну стрелу из убитого мной кентавра Анкия и случайно уронил её себе на ногу.

Старуха. И яд гидры умертвил его. Впрочем, в любом подвиге есть издержки, согласишься?

Иолай перебирает свитки.

Иолай. Женщина, следующий подвиг тебе не удастся запятнать. Там Геракл очищает скотный двор царя Авгия. Там нет ничего такого... Там он не убивает.

Старуха. Во-первых, этот поступок не может считаться подвигом, потому что за него Геракл запросил плату. А Эврисфей приказал ему очистить конюшни бесплатно. А во-вторых... Как там было всё, Иолай?.. Геракл предложил Авгию очистить в один день весь его

огромный скотный двор, если тот согласится отдать ему десятую часть своих стад. Дело было на пирушке по поводу вашего приезда, где Геракл сильно поднабрался.

Иолай. Авгий согласился. Он считал, что невозможно выполнить такую работу в один день. (*Роется в списках.*) Где-то тут подробное описание этих событий.

Аристомах (*из окна*). Этот свиток у меня, учитель.

Иолай (*резко*). Читай, читай, мальчик. Пусть все слышат!

Аристомах (*читает*). Геракл сломал с двух противоположных сторон стены, окружающие скотный двор, и отвёл в него воды двух ближайших рек, Алфея и Пеней. Вода этих рек в один день унесла весь навоз со скотного двора, а Геракл сложил заново разрушенные стены. Пришёл Геракл к Авгию требовать награды, но царь не отдал ему обещанной десятой части стад своих, и пришлось Гераклу уйти ни с чем.

Иолай (*гордо*). Сие есть правда! (*Аристому.*) Спасибо, мальчик! Великий подвиг, великий герой!

Старуха. Так-то оно так, да не совсем. Идея сломать две стены принадлежала элейцу Менедему, а ломать стены и возводить их снова помогал Гераклу ты. А вся слава досталась одному Гераклу. Подвиг велик... в том нет сомнения! (*Распалаясь.*) Кто ещё смог за один день загадить две чистых речки, лишив питьевой воды и рыбы все селения ниже по течению этих рек. Ещё долго люди будут опасаться брать из этих рек воду, боясь подхватить заразу. А сколько народу в тот год умерло от внезапно вспыхнувшей эпидемии? Кто сейчас скажет? А как поплатился за свою жадность Авгий?

Иолай. Воистину, старуха, ты видишь всё в чёрном цвете. А что ты можешь сказать о седьмом подвиге?

Старуха. Ты стал забывчив, Иолай. Критского быка я уже упоминала. Перейдём к коням Диомеда.

Иолай (*раздражённо*). Чем этот подвиг тебе не по нраву? Я тоже там был, я тоже участвовал! Я тоже виновен, старуха! Только в чём?! Не знаю! Раскрой мне глаза!

Старуха. Банальная кража чужого скота с убийством хозяев этого самого скота. Попросту – разбой!

Иолай (*запинаясь в ярости*). Что ты мелешь, старая карга! Фракийский царь Диомед сам напал на нас. Он кормил своих коней человеческим мясом – мясом чужеземцев, попавших к нему на остров.

Старуха. Это не давало вам права красть его коней! Иолай. Ну это уже слишком, старуха!

Старуха. Зато кратко, ясно и по делу!

Иолай. По дороге к Диомеду мы гостили в Ферах, где правил тогда царь Адмет. Там Геракл отнял у посланника бога смерти Алкестиду, жену Адмета. Он отнял её в честной борьбе.

Старуха. Но не прошло и года, как он убивает на своём ложе обнажённую возбуждённую Ипполиту, царицу воинственных амазонок. Она только что отдалась ему, подарив в знак любви свой пояс, дар бога войны Ареса. Следующий подвиг твоего дядюшки, Иолай? Не так ли?

Иолай. Амазонки напали на нас с берега, их были сотни, а нас – малюсенький отряд на корабле. Гера обманом натравила их, мстя Гераклу. А пояс мы поменяли у Ипполиты на пленённую Гераклом амазонку Меланиппу, которая, кстати, убила троих наших.

Старуха. Она защищала тело своей царицы...

Иолай. Но...

Старуха (*истерично, визгливо*). ...которую убил Геракл, заколов мечом.

Иолай. Когда амазонки напали...

Старуха. Когда амазонки напали, Геракл видел это и всё же продолжал мять Ипполиту, расточая ей ласки. Он лежал сверху, ему было всё видно, царица – под ним, на спине. Из-за борта корабля ей невозможно было увидеть, что делается на берегу. И, как только царица попы-

талась приподняться на шум сражения, Геракл быстрым движением вытащил меч из ножен и вонзил его в грудь беззащитной женщины. (*Иолай закрывает лицо руками.*) Помнишь, Иолай? Это ведь было на твоих глазах. Затем он встал, вытер пот с глаз, взял палицу и ринулся в гущу сражения... Голый, огромный, страшный, как гора... Ты бросился за ним.

Иолай. Он дрался как лев.

Старуха. И ты тоже, не забудь, и ты тоже. Вот тогда-то Меланиппа и ранила тебя копьем в грудь. Она с помощью Аэллы, Протеи и Антиопы ворвалась на корабль, выкрала тело своей царицы и бросилась с ним вплавь к берегу. Пленить вам удалось только Антиопу, самую старшую и красивую из нападавших, мать несчастной Ипполиты. Все остальные женщины, ступившие на корабль, пали в бою, сражаясь до последнего.

Иолай. Им нужен был пояс.

Старуха. Перестань! Ты сам-то веришь в то, что говоришь, Иолай? Как только амазонки завладели телом своей царицы, они отступили, унося драгоценный трофей – бездыханную свою владычицу. Вы быстренько отчалили – и домой. Пояс-то был у вас. Помнишь? (*Пауза.*) Помнишь, как измождённая, обессиленная прекрасная Антиопа сбросила панцирь, сняла с себя одежду и вытирала ею мокрую от крови палубу? Вытирала кровь своей дочери- царицы, кровь своих сестёр по оружию. Трупы амазонок вы выбросили за борт на корм рыбам. А что в это время делал ты, Иолай?

Иолай. Я не помню, старуха. Антиопу я видел, это точно. И как она кровь вытирала... Это тоже... (*Трёт грудь.*) Сильно болела рана. Мы тогда потеряли две трети своих людей и большую половину корабельной команды.

Старуха. Ты упрашивал его отдать тебе Антиопу. Вспомнил?

Иолай с ужасом смотрит на старуху.

Старуха. Ведь она была так прекрасна, так хорошо сложена, так беззащитна, так притягательна... как зрелый, сочный персик. Тебе не терпелось взгромоздиться на неё и...

Иолай. Кто ты, старуха?!

Старуха. А затем... Ну... после всего... ты бы её непременно зарезал, как он – Ипполиту. Непременно вспорол бы ей живот. Да? Тебе тогда этого хотелось, Иолай?! Правда?! Быть таким, как он? В точности повторять его поступки?! Так добыл Геракл пояс Ипполиты, и дочь Эврисфея Адмета получила очередную безделицу для украшения своих одежд.

Иолай. Откуда ты, старуха? Кто тебя прислал?

Старуха. Но Антиопе повезло. В тот день Геракла распирало от самодовольства и хвастовства, и твоя просьба оказалась запоздалой. Он уже отдал Антиопу Тесею в награду за храбрость. Тот убил всего ничего – полтора десятка женщин. Ах, как тебе не повезло тогда, Иолай! А ведь ты сражался не хуже Тесея... Ведь ты был рядом с Гераклом. Ты был его тенью. А кто обращает внимание на тень? А ведь ты убил тогда...

Иолай. Я не считал!

Пауза.

Старуха. Ты играл в кости... А говоришь, что знаешь всё... Так вот... ты убил в том сражении ровно девятнадцать амазонок, семерых ранил. Одна рана оказалась смертельной. Итого ровнюсенько два десятка девиц. Ты убил больше, чем Тесей... А нужно-то было всего-то вовремя подскочить к нему и выпросить... А ты был ранен, ты не успел... Трофей достался другому. Десерт победы получился с горчинкой. Как, впрочем, и с Гесионой, дочерью царя Трои Лаомедонта.

Иолай вздрогнул.

Иолай. Она нравилась Гераклу. Что я мог сделать?

Старуха. Мне кажется, она тебя любила.

Иолай. У меня не было ни единого шанса. Лаомедонт обманывал всех: Зевса, Посейдона, Аполлона.

Старуха. Если ему удавалось провести таких корифеев, то уж твоего дядьку и тебя он купил по дешёвке.

Иолай. Стоило только Лаомедонту пообещать Гераклу за спасение дочери коней Зевса, что достались ему как выкуп за сына его Ганимеда...

Старуха. ...как Геракл без промедления кинулся спасти девицу, а ты за ним. От дурной головы руки страдают!

Иолай. У меня были на то свои причины. Я её любил!

Старуха. Она и Гераклу нравилась. Однако это не помешало ему потребовать у Лаомедонта плату за спасение его дочери. Геракл сам потребовал коней, и Лаомедонту ничего больше не оставалось. У него выбора не было. Он слишком любил свою дочь. И вот вы уже всей ватагой во главе с Гераклом кромсаете мечами тело огромного морского чудовища, что вышло на берег к стенам Трои. Вы спасли Гесиону. А что взамен? Сильный пендель в зад! Ай да... Лаомедонт!

Иолай. У нас не было сил осаждать Трою. Горстка смельчаков не может занять город. Но придёт и наше время.

Старуха. Уж после подвигов-то, когда Эврисфей отпустит Геракла, вы оба славно погуляете на костях всех его обидчиков. Ты знаешь, что напоминают мне странствия Геракла за подвигами? Путешествия ростовщика, который даёт в долг, но никто не хочет затем ему платить! Подвиги Геракла есть не что иное, как коллекционирование царей, которые ему должны. С коих потом Геракл три шкуры сдерёт, а мясо бросит собакам. Выгодное занятие, ничего не скажешь.

Иолай. Странная мысль. Почему она никогда не приходила в мою голову? Коровы Гериона тоже не подвиг?

Старуха. Конечно. Ты начинаешь уметь, Иолай.

Иолай. Банальная кража чужого скота?!

Старуха. С убийством хозяина и пастуха его, великана Эвритиона...

Иолай (*с иронией*). И двуглавой собачонки Орфо.

Старуха. Ну пёс-то, пожалуй, был огромный и свирепый, как леопард.

Иолай. Неужели?! А я-то думал, я дворнягу коротконогую плюгавую убил.

Старуха. Вот ещё одна твоя неточность: Орфо убил ты, а (*указывает на свитки*) написано, что Геракл.

Иолай. Это мелочь. Не стоит так уж серьёзно к этому относиться. А может быть, я убил и Гериона?

Старуха (*улыбнулась*). Нет. Ты был слишком слаб для этого. Да и не сын ты вседержителя. Куда тебе сравниваться с таким великаном, как Герион! Три туловища, шесть ног, шесть рук, три головы. В бою он бросал сразу три копыя, его тело защищали три щита со всех сторон.

Иолай. Спасибо, что описала мне его, а то я его не видел. Геракл убил его прямо на моих глазах, точно попадая ядовитыми стрелами в правый глаз, в каждую голову.

Старуха. Короче говоря, коров вы украли и с помощью золотого челна Гелиоса, на котором вы и прибыли на остров Эрифейи, перевезли их на большую землю.

Иолай. Нужно было перегнать коров в Микены через весь материк, через Пиренейские горы, Галлию и Италию.

Старуха. В Италии, около города Региума, одна корова отбилась, переплыла пролив и оказалась на Сицилии. Царь Эрикс взял корову в своё стадо.

Иолай. Бог Гефест остался сторожить стадо, а Геракл отправился искать корову...

Старуха. Прямо на твоих глазах Геракл задушил Эрикса... и вернул корову в стадо.

Иолай. На берегах Ионийского моря богиня Гера наслала бешенство на всё стадо.

Старуха (*не выдержав, весело*). Вот веселье-то началось! Матёрые греческие герои бегают по скользким коровьим лепёшкам от неповоротливых бурёнок.

Иолай (*подозрительно*). Ты так говоришь, будто сама там была, старуха.

Старуха. Нет, что ты, Иолай! Но, как ты уже заметил, у меня буйная, богатая, необузданная фантазия. Мне этого достаточно. Я слышала, вы переловили всех коров. Но всё же странный размен: царь Эрикс, сын Посейдона и корова...

Иолай. Поединок есть поединок.

Старуха. Молчу, молчу... Почему ты не сказал «честный поединок», Иолай?!

Старуха улыбается.

Иолай. Не цепляйся к словам, старуха. (*Смотрит в глаза старухи.*) Ну, хорошо! Честный поединок есть честный поединок. Всех коров Эврисфеей принёс в жертву богине Гере.

Старуха (*весело*). Было дело!

Иолай. Пса Кербера, страшного трёхглавого стража царства мёртвых, Гераклу, если следовать твоей логике, привёл за ошейник сам Аид?

Старуха (*вскрикнула, визжит, как девчонка*). Ты знал! Ответь, ты знал?!

Иолай (*изумлён*). Что, правда?

Старуха (*лихо*). Не разочаровывай меня, Иолай. Будь сыном своего отца.

Иолай (*сел и как-то сжался*). Неужели это правда?

Старуха. Всё было по-родственному, по-простому. Попробовал бы ты сходить туда (*указывает в пол*) на ловлю псов. Был бы у тебя шанс, смертный? А... то-то... Это же любому дураку ясно... Ответ лежит на поверхности... Геракл был племянником бога Аида, который был родным братом отца его. Ты вона с внучатым племянником возишься (*кивает на Аристомаха*) на закате лет... А тут сын брата... Понимать надо.

Иолай. Яблоки тоже?

Старуха. Яблоки Гесперид? Двенадцатый подвиг? Всё точно так, как у тебя. Нападение Геракла на морского вещего старца Нерея.

Иолай. Это при мне было...

Старуха. Страшный поединок Геракла с великаном Антеем, сыном богини земли Геи.

Иолай. Геракл задушил его, держа над собой в воздухе, так как, касаясь земли, матери своей, Антей обретал новые силы.

Старуха. Точно.

Иолай. Далее Египет. Там Геракл спас мне жизнь, лишив жизни местного царя Бусириса, сына Посейдона и дочери Эпафа Лисианассы.

Старуха. А ты прямо у жертвенника убил сына Бусириса Амфидаманта.

Иолай. Я был им ранен и вынужден был отправиться домой.

Старуха. Дальше всё было по написанному. Геракл держал небесный свод за гиганта Атласа, пока тот ходил за яблоками. Афина помогала брату держать небо.

Иолай. А кто предложил сделать подушку? Кто обманул Атласа и снова взвалил ему на плечи небеса? Афина?

Старуха. С тобой становится неинтересно! Афина, Афина... Кто ж ещё?.. Помогла несмекалистому брату.

Большая пауза.

Иолай. Мы пропустили стимфалийских птиц, старуха!

Старуха. Так ты там был, Иолай. Сам всё знаешь. Амфитрион, твой отец Ификл и парочка славных парней, имена которых знает сейчас вся Греция, стояли на вершине холма, укрыв тебя и Геракла панцирем из своих щитов.

Иолай (*машет руками, как будто бьёт в барабан*). Я бью в медные тимпаны, а Геракл потихоньку раздвигает щиты и точно бьёт птицу стрелами, как на утиной охоте. А сверху на нас льётся дождь: сотни острых медных игл.

Старуха. Перья стимфалийских птиц.

Иолай. А в ушах – звон, звон, звон! (*Вдруг.*) Я узнал тебя, Гера! (*Встал.*) Ты ведь Гера? Только верховная богиня Олимпа может знать всё до мелочей. (*Затемнение.*)

Блеск молний, раскаты грома. Старуха стоит спиной к зрителю, снимает маску, бросает её к ногам Иолая. Как перчатки, снимает огромные когтистые кисти рук, под коими прятались изящные пальчики. Старуха сбрасывает с себя лохмотья. Перед нами богиня Гера в пурпурном наряде, богато расшитом золотом. Она прекрасна, как только может быть прекрасна женщина. Одежда её достаточно открыта для того, чтобы подчеркнуть все прелести её фигуры.

Примечание для постановщика. С этого момента роль Геры может играть другая актриса, не будет проблем с гримом, и трудности работать в маске отпадут. Актрису в возрасте незаметно заменяет прелестная женщина лет тридцати.

Часть вторая

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Гера. Да, ты угадал, Иолай. Я – дочь Кроноса и Реи, я – верховная олимпийская богиня, охранительница женщин и госпожа, покровительница городов и героев, сестра и супруга Зевса. Я – Гера!

Иолай. Зачем ты пришла ко мне, царица и мать богов и богинь?!

Гера (*улыбнулась*). А ты не меняешься с годами, Иолай! Ты, как и прежде, безрассудно смел. Я пришла сказать тебе, что ты можешь продолжать диктовать свои воспоминания и обманывать простодушных смертных. Но помни... Помни, что пока кумиром у людей будет Геракл-убийца, пока люди не перестанут возвышать над собой вожаков-убийц и властолюбивых себялюбцев, до тех пор не быть миру на земле этой. И единственной дорогой к славе, власти и деньгам будет убийство, будут двенадцать подвигов Геракла.

Иолай. Всё не так, поверь! Я хочу как лучше. Я хочу, чтобы люди восхищались смелостью, отвагой и силой духа Геракла. Чтобы они стремились стать лучше, стать такими, как он: сильными, смелыми, отважными. И наградой за это им будет бессмертие, слава и память человечества. И мне кажется, что я чуточку к этому приблизился. Я бы не помогал ему, если бы думал иначе... не тратил бы жизнь на это... о божественная! Поверь мне!.. Моя жизнь – это он. Его подвиги. Его слава. Я верил ему. Я жил им!.. Если бы я на мгновение усомнился в его правоте, то тут же ушёл бы! Тут же! След в след идти за ним, самоотверженно, до остервенения, до изнеможения, сражаться плечом к плечу с ним, рвать жилы... (*Пауза.*) След в след! Безгранично верить ему... быть, как он... делать, как он, жить, как он, любить то, что любит он, ненавидеть то, что он ненавидит, одеваться, как он... Даже завязки без воланов, а грубая шкура и голый зад! (*Завёлся.*) Жрать, как он... Хотя мне никогда не нравились его манеры за столом. (*Кричит.*) Проклятье! Что со мной?!

Гера. Ты всегда питался остатками с его стола... Его кони... Его жена!.. Сам, что ли, не мог найти себе бабу по вкусу?! Взял использованную, перезрелую, с червоточинкой.

Аристомах тихо хихикает.

Иолай. Мне тогда только что исполнилось шестнадцать, и думал я тогда другим местом.

Аристомах хихикает.

Г е р а. Зато Мегара была в самом соку, тридцать три годочка всего-то. Ты всегда был только его тенью, его правой рукой, его указательным пальцем, его третьим глазом, его колесом, его щитом, его копьём, его стряпчим...

Иолай. Его учеником и преемником во всём.

Гера. Ты всегда был и будешь вторым, Иолай! И сейчас, как плюгавый пёс, ты не можешь без своего хозяина. Ты не можешь без ремешка на шее. Тебе некому облизывать пятки?!

Аристомах снова тихо хихикает.

Г е р а. Когда он сгорел, ты, не найдя его костей на пепелище, первым объявил, что боги вознесли его на Олимп и он должен быть причислен к бессмертным. Посмотрела бы я, был бы ли он там, если бы не его папочка... То-то же! Иолай, ты хуже раба! Раб гнёт спину, боясь плети надсмотрщика, и ненавидит своего хозяина. А ты?! Ты сам поставил себя в положение раба и наслаждаешься этим!

Иолай молчит.

Г е р а. Твой отец, который, прямо скажем, не был так силён, как твой дядя; не был так глуп, как твой дядя; а самое главное... не был ослеплён самообожанием, как твой дядя. Разве он, сын царя Амфитриона, блистательно владеющий десятью языками, искусный обольститель и непревзойдённый танцовщик, поэт, драматург, музыкант и мастер кисти, великолепный наездник и колесничий, в конце концов, храбрый солдат. не достоин вознесения на Олимп?! Вот он-то был настоящим солдатом, честным, прямым и бескомпромиссным. А его родной брат, славный герой Геракл, бежал с поля боя в сражении при городке Лакеты. Бежал позорно, оставив своих товарищей, бежал ползком, тайком переодевшись в женское платье...

Иолай. Геракл был измождён от множества противников, он устал... Мы днём раньше потерпели кораблекрушение и целый день шли по жаре... Он был измотан, и, наконец, он был ранен... Сильно ранен... Ему нужно было перевязать рану, поесть и набраться сил.

Г е р а. А тебе, Иолай, тебе?!

Иолай. ...дабы снова ринуться в гущу сражения... И он ринется.

Г е р а. Спустя пять часов, к финалу битвы... А что касается его раны, то Гераклу надобно было лучше управляться со своей оливковой дубинкой. (*Хихикнув.*) Тоже мне, вояка!.. Сам себе по голове зарядил с плеча.

Иолай. Он с маху не удержал палицу. И у великих бывают ошибки.

Г е р а. Это ведь твой отец поднял тогда оставленную Гераклом шкуру немейского льва, закутался в неё, схватил брошенное братом корневище оливкового дерева и бросился на врагов. Он поднял упавший штандарт и дух воинства Гераклова.

Иолай (*с возмущением*). Стрелы градом сыпались на него, копья и дротики застревали в складках львиной шкуры, а он громил врагов как ни в чём не бывало!

Г е р а. Но твоему отцу волею случая не была дарована свыше защита от оружия неприятеля.

Иолай. Он сошёл в юдоль Аида как герой!

Г е р а. Меропские воины изрубили его на куски, когда им удалось вытряхнуть его бездыханное тело из волшебной львиной шкуры.

Иолай. Они думали, что победили самого Геракла.

Гера. Велика была их радость. Да и ты, я вижу, рад, что всё тогда так закончилось! Рад, что твой отец погиб, а он нет!

Иолай (*уязвлён, мрачно*). На всё воля богов.

Гера. Вот и исполним её сейчас. (*Аристомаху*.) Иди- ка сюда.

Аристомах. (*Аристомах исчезает из оконного проёма. Иолаю*.) Я тут списочек тебе приготовила... Сама написала... Тебе первому читаю! Так сказать, из первых рук. (*У неё в руках золотой свиток*.) Модно стало нынче свитки, таблички, пергаменты и папирусы марать разной словесной дрянью. Сочинительство стало прибыльным. То и дело гонцы по Греции носятся из конца в конец. Сколько денег, сил, энергии, времени! Твоих одних только свитков сколько... Да ещё, почитай, сколько с твоих свитков переписано, а то и пересказано.

Иолай (*Гере*). Цель твоего визита?

Гера. Вот (*подаёт золотой свиток Аристомаху*). Красавчик, читай вслух!

Аристомах (*бережно берёт свиток. Он сильно взволнован, не может найти застёжку; наконец развернул свиток; в восхищении*). Какой красивый почерк! Никогда такого не видел.

Гера (*притворно, стесняясь*). Спасибо, красавчик.

Аристомах. Рад служить.

Г е р а. Ну давай же... читай.

Аристомах (*читает*). Список деяний Геракла, сына Алкмены. Геракл собственноручно убил учителя своего Лина, убил Эргина, царя Орхомена; убил Пирехма, царя эвбеев; убил детей своих и племянников, как то...

Иолай. Погоди.

Г е р а. Дальше идут имена шестерых детей Геракла от Мегары и двух сыновей Ификла.

Иолай. Сжался, о божественная!..

Гера. Хорошо. (*Аристомаху*.) Я попрошу тебя, красавчик, прочесть только первое слово каждой строки. Читай громче.

Аристомах. Рад служить. (*Быстро читает*.) Убил... убил... уб-и-л... у-б-и-л... убил... убил... убил... убил сыновей Миноса, как то: Эвримедона, Хриса, Нефалиона, Филолая... убил царя Мигдона.

Гера. Только первое слово каждой строки...

Аристомах (*вздрагивает*). Прости, о... божественная. (*Читает ещё быстрее*.) Убил... убил, убил, убил, убил...

Г е р а. ...Тития.

Аристомах. ...убил Сарпедона, убил сыновей Протея: Полигона и Телегона.

Гера кашляет.

Аристомах (*испуганно*). Убил, убил, убил (*как молитву*), убил...

Г е р а. ...пастуха Эвритиона.

Иолай (*в пику Гере*). Гериона и разбойника Кака...

Гера. ...царя этрусков Фавна, царя элиманов Эрикса, случайного прохожего Кротона, великана Алкионея, царя Ливии Антея...

Аристомах (*в изнеможении*). ...убил... убил... убил, убил, убил...

Гера. ...лучшего своего друга Ифита.

Аристомах (*шепчет, но читает*). ...убил... убил... убил...

Гера. ...Эврипила, царя острова Кос...

Аристомах (*закрыв глаза*). ...убил... убил...

Гера. ...кентавра Эвритиона и его братьев...

Аристомах. ...убил

Гера. ...всех Молионидов...

Иолай (*упорно*). Авгия и его сыновей...

Аристомах. убил.

Гера. царевича Лепрея и всех сыновей Нелея.

Аристомах. ...убил...

Гера. ...царя Спарты Гиппокоонта и двенадцать его сыновей...

Аристомах. ...убил...

Иолай (*гордо*). В поединке речного бога Ахелоя.

Аристомах. ...убил...

Гера. ...царя Филия из Эфира...

Аристомах. ...убил...

Гера. ...на пиру сына Архитела, Архия, который случайно пролил на его ноги воду для омовения рук... Мальчишке было девять... Похожий случай произошёл во Флиунте, когда Геракл возвращался из сада Геспирид. Ему не понравилось поставленное перед ним питьё...

Иолай. Он одним пальцем ударил.

Гера. ...виночерпия Киофа, и дух из него вон.

Аристомах (*с ужасом в глазах, нижний край свитка лежит уже на земле*). Убил, убил, убил царя Филанта...

Г е р а. ...и увёл его дочь.

Аристомах (*с ужасом*). Убил царя лапифов Корона.

Аристомах в полуобморочном состоянии трёт глаза.

Аристомах. В глазах – красные пятна.

Гера. И немудрено... Это же кровью написано... обыкновенной человеческой кровью, красавчик... Впрочем, как и вся история человечества.

Аристомах. Убил...

Иолай (*упрямо*). ...Кикна.

Гера (*спокойно*). Царь Аминтор отказал ему в руке своей дочери Астидамии. Что естественно, ведь Геракл был тогда женат на Деянире... Геракл напал на город, задушил Аминтора и ... овладел Астидамией.

Аристомах (*вытер пот со лба. Гере*). Не могу... голова кружится... Тут ещё много... слишком много. (*Иолаю*.) Учитель, здесь тысячи имён простолюдинов и сотни городов.

Г е р а. И десятки изнасилованных им царских дочерей.

Иолай опускает голову.

Гера (*Иолаю*). Занятный списочек?! Понравилось?!

Иолай. У любой медали есть обратная сторона.

Г е р а. Значит, мне стоит продолжать писать! Дебют удался... Почему зритель не хлопает?!

Аристомах подаёт список Гере.

Гера. Нет, оставь себе! Это тебе мой подарок на память, красавчик. Подойди поближе, я облобызаю тебя за послушание.

Гера страстно целует Аристомаха, расточая ласки. Аристомах падает ниц.

Гера (*Аристомаху, указывая на маску, когти и лохмотья*). Прибери это.

Аристомах собирает вещи.

Гера. Иди, Аристомах, и помни меня.

Аристомах уходит.

Иолай. Вы, боги, как и люди, несовершенны!

Гера (*поправляет свои одежды*). Ты хочешь сказать: дай человеку совершенного бога, и он станет лучше?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.